

АЗБУКА-КЛАССИКА

NON-FICTION

ДЖОН
ЛОКК

*Опыт
о человеческом
разумении*



Санкт-Петербург

УДК 165.64
ББК 87.3(4Вел)
Л 73

Перевод с английского Александра Савина

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

«Опыт о человеческом разумении» печатается по изданию:
Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 1, 2. М.: Мысль, 1985.

ISBN 978-5-389-20592-5

© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

A N
E S S A Y

CONCERNING

Humane Understanding.

In Four BOOKS.

Written by JOHN LOCKE, Gent.

The Fifth Edition, with large Additions.

ECCLES. XI. 5.

As thou knowest not what is the Way of the Spirit, nor how the Bones do grow in the Womb of her that is with Child : Even so thou knowest not the Works of God, who maketh all things.

Quam bellum est velle confiteri potius nescire quod nescias, quam ista essutientem naufragare, atque ipsum sibi displicere ! Cic. de Natur. Deor. l. 1.

L O N D O N :

Printed for *Awnsham* and *John Churchill*, at the *Black Swan* in *Pater-Noster-Row* ; and *Samuel Mansbip*, at the *Ship* in *Cornhill*, near the *Royal Exchange*, M DCC VI.

Опыт
о человеческом разумении
в четырех книгах

Написано Джоном Локком, дворянином.

Издание пятое, со значительными дополнениями.

Екк. 11: 5

«Как ты не знаешь путей ветра и того, как образуются кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, который делает все».

Но насколько красивее, Веллей, скорее сознаться в незнании того, что ты действительно не знаешь, чем, наболтав вздора до тошноты, стать самому себе противным!

*Цицерон. О природе богов, I (парафраз;
перев. М. И. Рижского)*

Лондон
Напечатано для Оншема и Джона Черчилля
в «Черном лебеде»
на Патер-Ностер-роу и Сэмуэла Мэншипа
в «Корабле» на Корнхилле, около Королевской биржи,
MDCCVI

Посвящение

*Достопочтенному Томасу, графу Пемброку и Монтгомери, Герберту, барону Кардиффа, лорду Россу Кендала, Пару, Фицхью, Мармиона, Сейнт-Квентина и Шэрланда, лорду-президенту Его Величества высокочтимого Тайного совета и лорду-правителю графства Уилтшир и Южного Уэльса*¹

Милорд!

Это исследование, которое выросло на Ваших глазах и появилось на свет по Вашему повелению, теперь по естественному праву ищет у Вас того покровительства, которое Вы несколько лет назад ему обещали. Это не потому, что я думаю, будто помещение в начале книги чьего-нибудь имени, каким бы знаменитым оно ни было, может покрыть содержащиеся в ней недостатки. Произведения печати должны приобретать славу и предаваться забвению в зависимости от своей собственной ценности или от вкусов читателя. Но так как для истины более всего желательно, чтобы ее выслушали беспристрастно и непредубежденно, то Вы, милорд, более всех можете это для меня сделать, ибо всем известно, что Вы добились близкого знакомства с истиной в ее самых отдаленных тайниках. Известно, что Вы так далеко ушли в своих размышлениях в области наиболее отвлеченного и общего познания вещей, превосходящего обыкновенный кругозор и обычные методы, что Ваше согласие

¹ *Томас Герберт, граф Пемброк (1606–1682) — друг Локка, читал «Опыт о человеческом разумении» одним из первых в рукописи. — Здесь и далее примеч. ред., кроме отмеченных особо.*

и одобрение цели моего исследования по крайней мере предохранит его от осуждения без прочтения и заставит обратить хоть немного внимания на те его части, которые, расходясь с обычными воззрениями, без этого, быть может, показались бы вовсе не заслуживающими рассмотрения. Для тех, кто судит о головах людей точно так же, как об их париках, в соответствии с модой, упрек в новизне есть страшное обвинение, ибо такие люди считают истинными только общепринятые воззрения. Почти никогда и нигде еще истина не получала признания при своем первом появлении; новые взгляды всегда вызывают подозрение, всегда встречают отпор лишь потому, что они еще не общеприняты. Но истина, подобно золоту, не бывает менее истинной оттого, что она добыта из рудников недавно. Ее ценность должны определить испытание и исследование, а не старая мода: пусть истина еще не находится в общем обращении, она все-таки может быть так же стара, как природа, и, конечно, нисколько не менее подлинна. Вы можете представить тому важные и убедительные доказательства, если только Вам будет угодно порадовать публику некоторыми из сделанных Вами крупных и значительных открытий истин, доселе не известных никому, за исключением нескольких человек, от которых Вы сообразовали не совсем скрыть их. Если бы не было других оснований, уже этого одного было бы достаточно для посвящения Вам моего «Опыта». Что касается небольшого сходства его с некоторыми частями той более благородной и обширной системы наук, столь оригинальный, точный и поучительный очерк которой Вы сделали, то я считаю, что для меня достаточно чести, если Вы мне разрешите похвалиться, что кое-где мне приходили на ум мысли, не совсем отличные от Ваших. Если Вы считаете нужным, чтобы при Вашем поощрении моя книга вышла в свет, я надеюсь, она может стать основанием, чтобы рано или поздно повести Вас дальше; и Вы позволите сказать мне, что Вы даете здесь миру залог чего-то, что действительно оправдывает ожидания читателей, если они смогут терпеливо снести мой опус. Это, милорд, показывает, какой

подарок я здесь Вам делаю. Точно такой подарок делают своему богатому и знатному соседу, который благосклонно принимает корзину цветов или плодов, хотя у него есть свои собственные и в большем изобилии, и лучшего качества. Малоценные вещи становятся ценными, когда их преподносят в знак почтения, уважения и благодарности. А Вы дали мне столь значительные и особые основания питать к Вам все эти чувства в наивысшей степени, что если бы они увеличивали цену того, что ими сопровождается, пропорционально своей собственной величине, то я бы смело мог похвастать, что сделал Вам самый богатый подарок, какой только Вы когда-либо получали. В одном я убежден: безусловно, я обязан искать всевозможные случаи выразить свою признательность за длинный ряд милостей, которые получал от Вас, милостей, которые велики и важны сами по себе, но становятся еще дороже благодаря той благосклонности, заботливости, доброте и другим приятным для меня обстоятельствам, которые всегда сопутствовали им. Ко всему этому Вам было угодно присоединить то, что придает еще больше веса и прелести всему остальному: Вы постоянно удостаиваете меня до некоторой степени своим уважением, уделяете мне место в своих добрых думах, я чуть не сказал — в дружеских чувствах. Ваши слова и действия, милорд, так определенно показывают это всегда, даже другим, когда меня нет, что с моей стороны не покажется тщеславным упоминание о том, что всякому известно. Но было бы невежливо не признаться в том, чему есть столько свидетелей, каждый день говорящих мне, чем я обязан Вам. Мне хочется, чтобы они с такой же готовностью способствовали моей благодарности, с какой они убеждают меня, что я у Вас в большом и все растущем долгу. Я знаю одно: я писал бы о Разуме без разума, если бы не сознавал в высшей степени ясно этого долга и не воспользовался настоящим случаем, чтобы засвидетельствовать миру, в какой степени я обязан быть и в какой степени являюсь, *милорд, самым почтительным и самым покорным Вашим слугой.*

Джон Локк
Дорсет-Корт, мая 24 числа 1689 г.

Письмо к читателю¹

Читатель!

Вручаю тебе в руки то, что было мне развлечением в мои свободные и трудные часы. Если этому сочинению выпадет счастье стать тем же для твоих часов и ты при чтении получишь хотя бы половину того наслаждения, которое я испытал при написании, ты так же мало будешь считать плохо потраченными свои деньги, как я свой труд. Не прими этого за восхваление моей работы и из того, что написание ее доставляло мне удовольствие, не заключай, что мне она очень нравится теперь, когда она закончена. Кто охотится с соколами за жаворонками и воробьями, получает несколько не меньшее удовольствие, хотя гораздо менее значительную добычу, чем тот, кто стремится за более благородной дичью. И тот мало знаком с предметом настоящего исследования — *разумом*, кто не ведает, что поскольку разум есть самая возвышенная способность души, то и пользование им приносит более сильное и постоянное наслаждение, чем пользование какой-нибудь другой способностью. Поиски разумом истины представляют род соколиной или псовой охоты, в которой сама погоня за дичью составляет значительную часть наслаждения. Каждый шаг, который делает ум в своем движении к знанию, есть некоторое открытие, каковое является

¹ В таком виде «Письмо к читателю» объединяет авторские предисловия к предыдущим прижизненным публикациям и впервые появилось в пятом издании «Опыта о человеческом разуме» (1706).

не только новым, но и самым лучшим, на время по крайней мере.

Ведь разум, подобно глазу, судя только о тех предметах, которые находятся в поле его зрения, не может не быть довольным тем, что он открывает, не очень сожалея о том, что ускользнуло от него, так как то ему неизвестно. А потому тот, кто не ограничится тем, что упадет ему в кружку для милостыни, и, не довольствуясь ленивой жизнью на крохи выпрошенных мнений, обратит в дело собственные мыслительные способности для отыскания и исследования истины, не останется без удовлетворения охотника (что бы он ни нашел). Каждый момент его поисков вознаградит его за труды некоторым наслаждением, и у него не будет основания считать, что он плохо употребил свое время, даже если он не сможет гордиться каким-нибудь значительным приобретением.

Вот в чем, читатель, состоит удовольствие тех, кто дает волю своим мыслям и излагает их письменно. Но ты не должен завидовать им, потому что они доставляют тебе возможность такого же развлечения, если ты при чтении будешь пользоваться собственными мыслями. На них-то я и полагаюсь, если они таковы доподлинно; но если мысли взяты на веру у других, то не важно, каковы они, так как в таком случае они следуют не истине, а более низким побуждениям. Не стоит труда проявлять интерес к тому, что говорит или думает тот, кто говорит или думает только так, как его направляют другие. Если ты судишь самостоятельно, ты будешь, я знаю, судить откровенно, и тогда любое твое порицание не нанесет мне ни вреда, ни обиды. Ибо хоть и верно то, что в этом исследовании об истине нет ничего, в чем бы я не был вполне убежден, однако я считаю себя в такой же степени способным заблуждаться, в какой могу считать таким и тебя, и знаю, что эта книга должна подняться или упасть в твоих глазах не от того мнения, которое я имею о ней, а от твоего собственного. Если ты найдешь в ней для себя мало нового или поучительного, ты не должен порицать меня за это. Она предназначена

лась не для тех, кто уже сведущ в предмете и тщательно изучил свой собственный разум, а для моего собственного уяснения и для удовлетворения немногих друзей, которые признали себя недостаточно исследовавшими предмет. Если позволишь, я побеспокою тебя историей этого «Опыта». И тогда я должен рассказать тебе, как пять-шесть моих друзей, встретившись у меня в доме и рассуждая друг с другом о предметах, весьма далеких от настоящего, скоро должны были остановиться перед затруднениями, встававшими со всех сторон. После того как некоторое время мы пробыли в замешательстве, ни на шаг не приблизившись к разрешению смутивших нас сомнений, пришло мне на ум, что мы пошли по ложному пути и что, прежде чем предаться такого рода исследованиям, необходимо было изучить свои собственные способности и посмотреть, какими предметами наш разум способен заниматься, а какими нет. Это я и предложил своим друзьям, которые охотно согласились со мной¹; затем было решено, что это и должно стать предметом нашего первого исследования. Несколько торопливых, необработанных мыслей о предмете, которого я раньше никогда не исследовал, изложенных мною перед нашим ближайшим собранием, были первым введением к настоящему рассуждению, которое, начавшись, таким образом, случайно, было по просьбам продолжено; оно писалось несвязными отрывками, снова возобновлялось после долгих промежутков забвения, когда позволяли мое расположение духа или обстоятельства, и, наконец, в уединении, где заботы о моем здоровье дали мне досуг, было приведено в тот порядок, в каком ты его видишь теперь.

Отсутствие непрерывности в работе могло быть причиной, кроме других, двух противоположных недостатков моей книги, а именно того, что в ней сказано и слишком

¹ Этот разговор состоялся в 1671 г., и участвовали в нем друзья Локка — Антони Эшли (впоследствии граф Шефтсбери), Томас Сиднэм, Джеймс Тиррел, Дэвид Томас, Томас Фирмин и Натаниэль Ходжес.

мало, и слишком много. Коль скоро ты найдешь, что в ней чего-нибудь недостает, то я буду рад, что написанное мною возбуждает в тебе желание, чтобы я пошел дальше. Если что-нибудь покажется тебе лишним, ты должен порицать самый предмет: когда я в первый раз взял в руки перо, я думал, что все, что я скажу об этом предмете, уместится на одном листе бумаги. Но чем дальше я двигался, тем более широкие горизонты открывались предо мною; новые открытия вели меня все вперед, и таким образом книга незаметно выросла до того объема, в каком теперь появляется. Я не стану отрицать, что она могла бы быть, вероятно, сведена к меньшему объему, чем настоящий, и что некоторые части ее могли бы быть сокращены, так как написание ее урывками и с большими промежутками могло вызвать некоторые повторения. Но, сказать по правде, я теперь слишком ленив или слишком занят, чтобы сделать ее короче.

Мне, конечно, известно, что я проявляю мало заботы о собственной репутации, если сознательно допускаю ошибку, могущую возбудить отвращение наиболее рассудительных людей, которые всегда бывают самыми приятными читателями. Но тот, кто знает, что лень способна удовольствоваться каким угодно оправданием, простит меня, если моя лень одолела меня так, что я думаю, будто у меня очень хорошее оправдание. Я не буду ссылаться поэтому в свою защиту на то, что одно и то же понятие, имеющее разные значения, может быть пригодным или необходимым для доказательства или пояснения различных частей одного и того же рассуждения и что так и случилось во многих местах настоящего рассуждения; но безотносительно к этому я признаю откровенно, что иногда я долго останавливался на одном и том же доказательстве и излагал его различными способами с совершенно различными намерениями. Публикуя этот «Опыт», я не притязую на то, чтобы поучать людей, способных к широким мыслям и быстрой восприимчивости. Перед такими мастерами знания я сам объявляю себя учеником и поэтому заранее предупреждаю

их, что ожидать здесь нечего, кроме того, что, будучи соткано из моих собственных грубых мыслей, приспособлено для людей одного со мною склада, для которых, быть может, не будет неприятным, что я взял на себя труд сделать ясными и близкими их мышлению некоторые истины, принятие которых могло быть затруднено укоренившимися предрассудками или отвлеченностью самих идей. Некоторые предметы нуждались во всестороннем рассмотрении, а когда понятия новы, какими, признаюсь, являются для меня некоторые из предлагаемых, или необычны, какими, на мой взгляд, они покажутся другим, то одним простым созерцанием нельзя добиться их проникновения в разум каждого или закрепления их там путем ясного и длительного воздействия. Немного найдется таких, думается мне, которые не замечали бы или на себе самих, или на других, что то, что при одном способе выражения было совсем непонятно, при другом способе изложения становилось очень ясным и понятным, хотя ум потом находил мало разницы в выражениях и удивлялся, почему одно могло быть менее понятно, чем другое. Но всякая вещь действует на воображение всякого человека не одинаково. Наши умственные способности различаются не менее, чем наши вкусы; и тот, кто думает, что одна и та же истина одинаково всем понравится в одном и том же облачении, может с таким же успехом надеяться усладить всех одним и тем же блюдом; блюдо может быть тем же самым и приготовленным хорошо, но не каждый сможет съесть его с одной и той же приправой; оно должно быть приправлено для каждого иначе, если вы хотите, чтобы его переварили благополучно, что не всегда может случиться даже и с крепким организмом. Верно то, что те, кто советовал мне опубликовать книгу, советовали на этом основании напечатать ее, как она есть; и, так как меня уговорили выпустить ее в свет, я желаю, чтобы ее понял всякий, кто даст себе труд прочесть ее. Я чувствую так мало желания печататься, что, если бы не льстил себя мыслью, что этот «Опыт» может быть сколько-нибудь

полезным для других, как, думается мне, он был полезен для меня, я бы показал его только тем немногим друзьям, которые подали первый повод к его написанию. Так как мое появление в печати имеет целью принести возможно большую пользу, я считаю необходимым сделать то, что я имею сказать, возможно более легким и понятным для читателей всякого рода. И я скорее хотел бы, чтобы мыслящие и проницательные читатели жаловались, что я в иных местах скучен, чем чтобы кто-нибудь не привыкший к отвлеченному мышлению или предубежденный в пользу других взглядов ошибся бы или не понял моего мнения.

Быть может, меня будут порицать за то, что я, провяля большое тщеславие и дерзость, якобы намереваюсь поучать наш ученый век; и действительно, похоже, что это так, коль скоро я признаюсь, что печатаю этот «Опыт» в надежде, что он может быть полезен для других. Но если мне будет позволено говорить откровенно о тех, кто с притворной скромностью осуждает как нечто бесполезное то, что они сами пишут, мне кажется, гораздо более отдаст тщеславию и дерзостью печатание книги с какой-нибудь другой целью; и очень сильно грешит против уважения к публике тот, кто печатает и, следовательно, ожидает, что люди будут читать то, в чем, как он сам считает, они не встретят ничего полезного ни для себя самих, ни для других. И если бы даже в этом исследовании нельзя было найти ничего, кроме моих благих намерений, все-таки моя цель будет неизменной и эти намерения до некоторой степени должны служить извинением малоценности моего дара. Это-то главным образом и охраняет меня от страха перед порицаниями, которых мне не удастся избежать, как не избежали их и лучшие писатели. Принципы, понятия и вкусы людей до такой степени разнообразны, что трудно найти книгу, которая бы нравилась или не нравилась всем. Я признаю, что век, в котором мы живем, не из самых невежественных и поэтому его нелегко удовлетворить. Если мне не выпадет счастье понравиться, то никто все же не

должен обижаться на меня. Я прямо говорю всем своим читателям, за исключением полудюжины, что эта книга первоначально не предназначалась для них и что, следовательно, им не нужно заботиться о том, чтобы попасть в эту полудюжину. Но если кто-либо все-таки найдет нужным рассердиться и осыпать книгу бранью, он может сделать это без опасения, ибо у меня найдется лучший способ провести время, чем [участвовать в] такого рода разговор[е]. Я всегда буду удовлетворен тем, что искренне стремился к истине и пользе, хотя бы и одним из самых малозначительных путей. Республика наук не лишена в настоящее время даровитых соиздателей, величественные замыслы которых, движущие науки, оставят долговечные памятники на удивление потомству; но не всякий может надеяться стать Бойлем или Сиднэмом. И в век, который рождает такие дарования, как великий Гюйгенс, несравненный Ньютон и несколько других такой же величины, будет достаточной честью служить в качестве простого рабочего, занятого лишь на расчистке почвы и удалении части мусора, лежащего на пути к знанию. А знание, конечно, гораздо более двинулось бы вперед в мире, если бы старания даровитых и трудолюбивых людей не загромождались ученым, но легкомысленным употреблением неуклюжих, манерных или непонятных выражений, введенных в науку и сделавшихся искусством настолько, что философия, которая есть не что иное, как истинное познание вещей, стала считаться непригодной или неспособной вращаться в благовоспитанном обществе и принимать участие в приличном разговоре. Пустые и бессмысленные формы выражения и злоупотребление языком так долго сходили за таинства науки и трудные или неуместные слова, мало или вообще ничего не значащие, за давностью употребления имеют ошибочно столько права считаться глубокой ученостью или вершиной мышления, что нелегко будет убедить говорящих эти слова или слушающих их, что они только прикрывают невежество и являются похотью истинному знанию. Вторжение в святилище тще-

славия и невежества сослужит, я полагаю, некоторую службу человеческому разуму. Впрочем, столь немногие склонны думать, что они обманывают или их обманывают употреблением слов и что язык того круга, к которому они принадлежат, заключает в себе недостатки, которые нужно изучить или исправить, что, я надеюсь, мне простят, если я в третьей книге слишком надолго остановился на этом предмете и постарался сделать его столь ясным, чтобы ни закоренелость зла, ни сила моды не могли быть извинением для тех, кто не хочет заботиться о значении своих собственных слов и не позволяет исследовать смысл своих выражений.

Мне сказали, что краткое извлечение из этого исследования, напечатанное в 1688 г.¹, было некоторыми осуждено без прочтения, потому что в нем отрицались врожденные идеи; при этом делали слишком поспешное заключение, что если не допускается существование врожденных идей, то остается немного как от понятия о духах, так и от доказательства их существования. Если кто испытывает такие же сомнения, приступив к чтению этого исследования, то я пожелаю, чтобы он прочел его целиком, и тогда, надеюсь, он убедится, что устранение ложных основ идет не во вред, а на пользу истине, которая терпит наибольший урон и подвергается наибольшей опасности именно тогда, когда ее перемешивают с ложью или строят на лжи.

Во втором издании я прибавил следующее.

Книготорговец не простит мне, если я ничего не скажу о втором издании, которое, как он обещал, благодаря

¹ Извлечение из «Опыта о человеческом разумении» было опубликовано по-французски в январе 1688 г. в амстердамском журнале «Bibliothèque universelle et historique» («Общая и историческая библиотека») швейцарского историка, филолога и теолога Жана Леклерка под названием «Extrait d'un livre anglais, qui n'a pas encore paru, intitulé „Essai Philosophique concernant l'Etendue“ où l'on montre quelle est l'étendue de nos connaissances certaines, et la manière dont nous y parvenons» («Извлечение из английской книги „Философский опыт о разуме“, еще не вышедшей в свет, в которой показывается, каковы наши достоверные знания и как мы к ним пришли»).

уточнениям, исправит многочисленные погрешности, допущенные в первом. Он желает также, чтобы было известно, что во втором издании есть совершенно новая глава о *тождественности* и много прибавлений и поправок в разных местах. Последние, я должен предупредить читателя, не все новы по содержанию, а представляют собой по большей части или дальнейшее подтверждение сказанного мною ранее, или объяснения с целью помешать превратным толкованиям смысла напечатанного прежде и не являются отступлением от прежнего. Исключение я должен сделать для изменений, внесенных мною в гл[аву] 21 книги II.

Что я там написал о *свободе и воле*, я считал заслуживающим самого внимательного пересмотра, на какой только я был способен, так как эти предметы во все времена ставили перед ученым миром такие вопросы и затруднения, которые внесли немало путаницы в этику и богословие — области знания, о ясности которых люди особенно заботятся. После более близкого наблюдения над деятельностью человеческих душ и более тщательного изучения мотивов и точек зрения, которыми они приводятся в действие, у меня нашлись основания несколько изменить мысли, которые я имел ранее по вопросу о том, что в конечном итоге определяет *волю* во всех сознательных действиях. В этом я не могу не признаться перед всеми с такой же свободой и готовностью, с какой сначала опубликовал то, что тогда показалось мне верным; на мой взгляд, лучше отказаться от какого-нибудь своего мнения и отбросить его, когда истина оказывается против него, чем опровергать чужое, ибо я ищу только истину и всегда буду рад ей, когда бы и откуда бы она ни шла.

Но как ни велика моя готовность отказаться от всякого своего мнения или отступить от чего-либо мною написанного при первой очевидности какой-либо в нем ошибки, я все-таки должен сознаться, что мне не удалось что-либо уяснить себе с помощью возражений в печати против различных мест моей книги, и то, что было вы-

двинуто против меня, не дало мне основания изменить свое мнение по тем пунктам, которые были поставлены под сомнение. Или предмет, который я рассматриваю, требует часто большей вдумчивости и большего внимания, чем соглашаются ему уделять торопливые, по крайней мере предубежденные, читатели; или какая-нибудь неясность в моих выражениях покрывает его мраком, и некоторые понятия становятся при моем способе изложения трудными для восприятия их другими, но только я нахожу, что мои мнения часто толкуют превратно и мне не удалось быть всюду верно понятым. Этому имеется столько примеров, что, я думаю, они дают право моему читателю и мне заключить, что или моя книга написана достаточно ясно, чтобы быть верно понятой теми, кто читает ее с таким вниманием и беспристрастием, которое должен выказывать при чтении всякий, дающий себе труд читать, или же что она написана столь неясно, что тщетным будет намерение исправить ее. Какое бы из этих предположений ни оказалось истиной, это касается только одного меня; а поэтому я далек от того, чтобы смущать читателя всем, что я мог бы сказать в ответ на встреченные мною возражения против различных мест моей книги, ибо я убежден, что тот, кто считает, что о них стоит подумать, все равно, истинны ли эти возражения или ложны, сам сможет увидеть, что сказанное или неосновательно, или не противоречит моему учению, если только меня и моего противника поймут как следует.

Если кто-нибудь, заботясь о том, чтобы не пропала ни одна из его удачных мыслей, напечатает свою критику моего «Опыта», оказав ему честь не считать его только *опытом*, то я предоставляю публике определить, чем она обязана перьям критиков; я же не отниму времени у читателя таким досужим или противоестественным употреблением своего времени, как попытка ослабить удовлетворение этих критиков подобным поспешным опровержением написанного мною, доставляемое ими себе самим или другим.

Подготавливая четвертое издание моего «Опыта», книготорговцы дали мне знать об этом, чтобы я мог, если у меня окажется досуг, сделать все необходимые, на мой взгляд, прибавления или поправки. Тогда я счел нужным предупредить читателя, что, кроме различных поправок, сделанных мною там и сям, необходимо упомянуть об одном изменении, которое проходит через всю книгу и которое, следовательно, непременно нужно верно понять. Я сказал тогда следующее.

«Ясные и отчетливые идеи» — это термины, которые, несмотря на их обычность и частоту употребления в живой речи, я имею основание считать не вполне понятными для всякого, кто их употребляет. И возможно, что только немногие дают себе труд вдуматься в них настолько, чтобы узнать, что именно они сами или другие под ними подразумевают. Поэтому я в большинстве случаев предпочел поставить «определенный» вместо «ясный» и «отчетливый» как выражение, более способное привести человеческие мысли к моему пониманию в этом вопросе. Этим названием я обозначаю некоторый объект в уме и, следовательно, объект *определенный*, т. е. такой, каким он там замечен и воспринят. Мне думается, *определенной* идеей можно справедливо назвать такую, которая, находясь в данное время объективно в уме и тем самым *определенная* там, соединена и неизменно *связывается* с некоторым названием или членораздельным звуком, который должен быть устойчивым знаком этого самого объекта ума, или *определенной* идеи.

Объясню это немного подробнее. Под термином «определенный» в приложении его к *простой идее* я разумею то простое представление, которое ум имеет в своем поле зрения или воспринимает в себе, когда говорят, что эта идея находится в нем. Под термином «определенный» в приложении его к *сложной идее* я разумею такую идею, которая состоит из определенного числа известных простых или менее сложных идей, соединенных в таком взаимоотношении и расположении, какое

ум имеет перед собой и видит в себе, когда эта идея присутствует в нем или должна была бы присутствовать в нем, если кто произносит название этой идеи. Я говорю «должна была бы быть», потому что не всякий, а быть может, и никто не обращает на свою речь такого внимания, чтобы он решал не употреблять ни одного слова до тех пор, пока не увидит в своем уме точной, *определенной* идеи, знаком которой он решает сделать его. Недостаток этого — причина большой неясности и путаницы в человеческих мыслях и рассуждениях.

Я знаю, что ни в одном языке нет достаточного числа слов для обозначения всего многообразия идей, составляющих предмет разговоров и рассуждений людей. Но это не мешает тому, чтобы всякий, употребляющий какое-нибудь слово, имел в своем уме *определенную* идею, знаком которой он его делает и с которой он должен прочно связывать его во все время рассуждения. Кто этого не делает или не может делать, напрасно считает, что обладает идеями *ясными*, или *отчетливыми*: очевидно, что его идеи не таковы. И поэтому нельзя ожидать ничего, кроме неясности или путаницы, там, где употребляются слова, не имеющие такого точного определения.

На этом основании выражение «определенные идеи» показалось мне менее способным ввести в заблуждение, чем выражение «ясные и отчетливые». А когда люди приобретут *определенные* идеи всего того, что они обсуждают, исследуют или доказывают, они увидят разрешенными большую часть своих сомнений и разногласий. Большая часть вопросов и противоречий, смущающих человечество, проистекает от сомнительного и неточного употребления слов, или (что то же самое) *неопределенных идей*, для обозначения которых слова созданы. Я выбрал термин «определенные идеи», дабы обозначить 1) некоторый непосредственный объект ума, который воспринимается умом и который ум имеет перед собою как нечто отличное от звука, употребляющегося им как знак объекта, и 2) то обстоятельство, что эта таким образом *определенная* идея, т. е. такая идея, которую

ум имеет, знает и видит в себе, неизменно *связана* с данным названием, а это название *связано* с этой точной идеей. Будь у людей такие *определенные* идеи в их исследованиях и рассуждениях, они, во-первых, понимали бы, насколько далеко заходят их исследования и рассуждения, а во-вторых, избежали бы большей части ссор и споров между собой.

Кроме того, книготорговец считает необходимым, чтобы я предупредил читателя о прибавлении двух совершенно новых глав: одной — *об ассоциации идей*, другой — *о религиозном исступлении*. Эти главы вместе с другими, более значительными прибавлениями, еще не появлявшимися в печати, книготорговец напечатал также отдельно и с той же целью, какая была указана при втором издании этого «Опыта».

В настоящем, пятом издании изменено и прибавлено очень немного. Большая часть того, что ново, содержится в двадцать первой главе второй книги. Все это каждый может легко написать на полях прежнего издания, если это ему покажется нужным.

Книга первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Введение

1. *Исследование о разумении, приятное и полезное.* Так как разум ставит человека выше остальных чувствующих существ и дает ему все то превосходство и господство, которое он имеет над ними, то он, без сомнения, является предметом, заслуживающим изучения уже по одному своему благородству. Разумение, подобно глазу, давая нам возможность видеть и воспринимать все остальные вещи, не воспринимает само себя: необходимы искусство и труд, чтобы поставить его на некотором отдалении и сделать его собственным объектом. Но каковы бы ни были трудности, лежащие на пути к этому исследованию, что бы ни держало нас в таком неведении о нас самих, я уверен, что всякий свет, который мы сможем бросить на свои собственные умственные силы, всякое знакомство со своим собственным разумом будет не только очень приятно, но и весьма полезно, помогая направить наше мышление на исследование других вещей.

2. *Цель.* Так как моей целью является исследование происхождения, достоверности и объема человеческого познания вместе с основаниями и степенями веры, мнений и согласия, то я не буду теперь заниматься физическим изучением души. Я не буду вдаваться в исследования о том, в чем ее сущность, вследствие каких движений души и перемен в нашем теле мы получаем любые ощущения через свои органы чувств или идеи в своем разуме, зависят ли при своем образовании некоторые или все эти идеи от материи или не зависят. Как ни интересны и ни любопытны все эти вопросы,

я не буду касаться их, поскольку они лежат за пределами моей задачи. Для моей настоящей цели достаточно изучить познавательные способности человека, как они применяются к объектам, с которыми имеют дело. И мысли, которые я выскажу при этом случае, я буду считать не совсем бесполезными, если при таком историческом, ясном методе сумею дать некоторые сведения о путях, какими наш разум приходит к имеющимся у нас понятиям о вещах, сумею подыскать несколько мерил достоверности нашего знания или оснований тех убеждений, столь разнообразных, разнородных и совершенно противоречивых, какие можно найти среди людей. А между тем эти убеждения высказывают часто с такой твердой уверенностью, что всякий, кто, обратив внимание на мнения людей, заметит их противоречивость и в то же время ту любовь и благосклонность, с какой они воспринимаются, ту решительность и рвение, с какими они утверждаются, быть может, имеет основание подозревать, что или вообще нет такой вещи, как истина, или человечество не имеет достаточных средств достигнуть достоверности познания ее.

3. *Метод.* Вот почему стоит поискать *границы* между мнением и знанием, исследовать, при помощи каких мерил в вещах, относительно которых мы не имеем достоверного знания, мы должны управлять своим согласием с теми или иными положениями и умерять свои убеждения. Для этого я буду пользоваться следующим методом.

Во-первых, я исследую *происхождение* тех идей, или понятий (или как вам будет угодно назвать их), которые человек замечает и сознает наличествующими в своей душе, а затем те пути, через которые разум получает их.

Во-вторых, я постараюсь показать, к какому *познанию* приходит разум через эти идеи, а также показать достоверность, очевидность и объем этого познания.

В-третьих, я исследую природу и основания *веры*, или *мнения*. Под этим я разумею наше согласие с каким-нибудь положением как с истинным, хотя относительно его истинности мы не имеем достоверного знания;

Оглавление

Посвящение	7
Письмо к читателю	10

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая. Введение	25
Глава вторая. В душе нет врожденных принципов	30
Глава третья. Нет врожденных практических принципов ..	52
Глава четвертая. Дальнейшие соображения о врожденных принципах как умозрительных, так и практических	78

КНИГА ВТОРАЯ

Глава первая. Об идеях вообще и их происхождении	103
Глава вторая. О простых идеях	120
Глава третья. Об идеях одного чувства	123
Глава четвертая. О плотности	124
Глава пятая. О простых идеях от разных чувств	130
Глава шестая. О простых идеях рефлексии	130
Глава седьмая. О простых идеях как ощущения, так и рефлексии	131
Глава восьмая. Дальнейшие размышления о наших простых идеях	135
Глава девятая. О восприятии	148
Глава десятая. Об удержании [простых идей]	156
Глава одиннадцатая. О различении и других действиях ума (mind)	162
Глава двенадцатая. О сложных идеях	172
Глава тринадцатая. О простых модусах, и прежде всего о простых модусах пространства	176

Глава четырнадцатая. О продолжительности и ее простых модусах	194
Глава пятнадцатая. О времени и пространстве, рассматриваемых вместе	213
Глава шестнадцатая. О числе	224
Глава семнадцатая. О бесконечности	229
Глава восемнадцатая. О других простых модусах	247
Глава девятнадцатая. О модусах мышления	251
Глава двадцатая. О модусах удовольствия и страдания	254
Глава двадцать первая. О силах [и способностях] (Of Power)	259
Глава двадцать вторая. О смешанных модусах	323
Глава двадцать третья. О наших сложных идеях субстанций	331
Глава двадцать четвертая. О собирательных идеях субстанций	359
Глава двадцать пятая. Об отношении	360
Глава двадцать шестая. О причине и следствии и других отношениях	367
Глава двадцать седьмая. О тождестве и различии	372
Глава двадцать восьмая. О других отношениях	399
Глава двадцать девятая. О ясных и смутных, отчетливых и путаных идеях	414
Глава тридцатая. Об идеях реальных и фантастических ...	426
Глава тридцать первая. Об идеях адекватных и неадекватных	430
Глава тридцать вторая. Об идеях истинных и ложных	442
Глава тридцать третья. Об ассоциации идей	455

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава первая. О словах, или О языке вообще	467
Глава вторая. О значении слов	470
Глава третья. Об общих терминах	475
Глава четвертая. Об именах простых идей	489
Глава пятая. Об именах смешанных модусов и отношений ...	499
Глава шестая. Об именах субстанций	511
Глава седьмая. О словах-частицах	551

Глава восьмая. Об отвлеченных и конкретных терминах . . .	554
Глава девятая. О несовершенстве слов	557
Глава десятая. О злоупотреблении словами	574
Глава одиннадцатая. О средствах против упомянутых несовершенств и злоупотреблений	597

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава первая. О познании вообще	617
Глава вторая. О степенях нашего познания	623
Глава третья. О сфере человеческого познания	633
Глава четвертая. О реальности нашего познания	661
Глава пятая. Об истине вообще	675
Глава шестая. Об общих положениях, их истинности и достоверности	681
Глава седьмая. О несомненных положениях (Maxims)	696
Глава восьмая. О положениях с ничтожным содержанием . . .	717
Глава девятая. О нашем познании существования	728
Глава десятая. О нашем познании бытия Бога	730
Глава одиннадцатая. О нашем познании существования других вещей	744
Глава двенадцатая. Об усовершенствовании нашего познания	755
Глава тринадцатая. Несколько дальнейших соображений относительно нашего познания	768
Глава четырнадцатая. О суждении	770
Глава пятнадцатая. О вероятности	773
Глава шестнадцатая. О степенях согласия	777
Глава семнадцатая. О разуме (Of Reason)	791
Глава восемнадцатая. О вере и разуме и их различных областях	817
Глава девятнадцатая. О [религиозном] исступлении (Of Enthusiasm)	827
Глава двадцатая. Об ошибочном согласии, или заблуждении	839
Глава двадцать первая. О разделении наук	855

Локк Дж.

- Л 73 Опыт о человеческом разумении / Джон Локк ; пер. с англ. А. Н. Савина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 864 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction). ISBN 978-5-389-20592-5

Джон Локк (1632–1704) — английский философ, крупнейший мыслитель эпохи Просвещения, «отец либерализма», повлиявший на развитие эпистемологии и политической философии, последовательный сторонник теории общественного договора, демократической революции и права народа на свержение тирана, создатель теории разделения властей. Идеям Локка наследовали Вольтер и Жан-Жак Руссо, а позднее от них же отталкивался Иммануил Кант. Воздействие взглядов Локка мы обнаруживаем в тексте Декларации независимости США, и современными гуманистическими представлениями о базовых правах человека мы тоже во многом обязаны ему.

«Опыт о человеческом разумении» — одна из ключевых работ Джона Локка и один из центральных трудов эмпиризма. Здесь Локк — отчасти в диалоге с Декартом и Гоббсом — опровергает представления рационалистов о врожденных идеях, последовательно постулирует первичность ощущения и непосредственного опыта в сравнении с разумом и рассматривает генезис идей в связке с чувствами, словами и восприятием. Понятия идентичности и «я», как их трактует современная психология, во многом уходят корнями в эпистемологическую теорию Локка. Эта работа повлияла на многих философов Просвещения, в том числе на Дэвида Юма; с ней жарко полемизировали Готфрид Лейбниц и Джордж Беркли. «Многие философы сочиняли романы о душе — но вот пришел мудрец, который скромно написал ее историю» — так комментировал «Опыт о человеческом разумении» Вольтер.

УДК 165.64
ББК 87.3(4Вел)

Литературно-художественное издание

ДЖОН ЛОКК

ОПЫТ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАЗУМЕНИИ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Ольга Попова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.12.2021. Формат издания 75 × 100^{1/32}.

Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 38,07.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru



Y-NFA-29481-01-R